

о Фаусте, в духе Марло и Клингера? Уничтожен он злою силой? Или в духе Гете:

Geniess ich jetzt den höchsten Augenblick...? ⁴

По этому поводу высказываются по-разному. Разногласие, в частности, в двух очень обстоятельных и серьезных книгах 1975 г. А. В. Русаковой и М. С. Кургиян. А. В. Русакова к Леверкюну беспощадна, даже считает его «коллегой дьявола». «Поражение Леверкюна есть предчувствие поражения фашистской Германии...» ⁵. Начнем с последнего, связи индивидуальной судьбы композитора с судьбой его народа. Поражение фашизма не означало гибели немецкого народа. Напротив, оно означало его освобождение. Освобождение и тех, кто изнемогал при фашизме, и даже тех, кто был им одурачен и одурманен. Стало быть, в символическом плане «Плач...» именно п л а ч означал не одну лишь ущербность искусства... Исповедь перед собранным отовсюду народом была подобием того, что внушала Соня Раскольникову — в с е н а р о д н о покаяйся!

Размышления А. В. Русаковой кажутся убедительными потому, что в них верный анализ одного слоя образа Леверкюна, он действительно идет к полной отчаянной катастрофе. Но М. С. Кургиян обнаруживает другой слой этого образа. «Творческие силы, отпущенные ему адом, он использует для создания произведения, в котором с огромной выразительной силой звучит голос страдающего человека — «предельные акценты печали», произведения, всей своей художественной структурой устремленного к прорыву из адских тисков скверны, к поискам светлого начала...» ⁶.

Полная сердечной отзывчивости реплика матушки Швейгештиль, столько лет опекавшей Леверкюна: «бедный человек говорил о милости господней... человеческого понятия, уж это я знаю, всегда и на все достанет». И полные сердечного огня слова самого повествователя — Серениуса Цейтблома: «Боже, смилуйся над бедной душой моего друга, моей отчизны». Не только рядом поставлены, слиты в одно целое д р у г а и о т ч и з н ы, но и взяты в том же самом отношении, не о фашистском рейхе идет речь, а о загубленной, опозоренной, но любимой и несмотря ни на что прекрасной истинной родине не только Цейтблома, но и Бетховена и Гете, самого Томаса Манна, его брата, его детей, столько людей, мужественных и честных.

И еще глубже скрытый, а в т о р с к и й слой романа. Томас Манн — верный ученик Гете. Мог ли он от финала гетевского Фауста вернуться назад к безысходной и кровавой развязке народных книг, Марло и Клингера? Не звучат ли реплика матушки Швейгештиль и горестные думы Цейтблома как реально данные, скромные соответствия блистательному финалу второй части гетевского «Фауста»? В доброте старой заботливой женщины:

Das Ewig—Weilliche
Zicht uns binan? ⁸

Несостоятельность и опасность ницшеанской гордыни совершенно осознаны теперь великим романистом. Томаса Манна теперь раздражает и выпренный стиль самой эффектной из книг Ницше «Так говорит Заратустра». Он утверждает, что нельзя уже писать так, как написана «Саламбо». Внутри романа «Доктор Фаустус» с иронией сказано о коротких рассказах Шильдкнапа: «kurze Erzählungen in reinlicher Prosa» (266), т. е. чистенько, опрятно написанные рассказы.

«Ach, ich schreibe schlecht!» — в другой части романа говорит о себе Цейтблом и поясняет: «Die Begierte, alles auf einmal zu sagen, lässt meine

⁴ «Вкушаю высшее свое мгновенье».

⁵ Русакова А. В. Томас Манн. Изд-во Ленингр. ун-та, 1975, с. 90, 92.

⁶ Кургиян М. Романы Томаса Манна. М., «Художественная литература», 1975, с. 306.

⁷ «Вечно женственное идет прямо к нам».